

Глава 6

Чжун Цай принялся с интересом осматривать их новое жилище.

Это был довольно просторный двор, чётко разделённый на внутреннюю и внешнюю части. Со всех сторон его окружали высокие стены, обеспечивавшие превосходную защиту от чужих глаз.

В глубине внутреннего двора располагался главный дом — их новые супружеские покои. По обе стороны от него находились пустые комнаты, соединённые с основным зданием крытыми переходами; им предстояло стать личными залами для медитаций и тренировок. Справа и слева во внутреннем дворе теснились ещё по две постройки: слева обустроили купальню и кухню, а комнаты справа, обставленные простой мебелью, предназначались для будущих детей или редких гостей.

Свободного места между строениями оставалось предостаточно. Возле вторых ворот раскинулся цветник, где пока что зеленели лишь самые обычные растения. Перед ним высилось старое раскидистое дерево, чья широкая крона служила естественным навесом для каменного стола и пары табуретов. Остальное пространство было ровным и гладким — идеальная площадка для отработки боевых искусств.

Миновав внутренние ворота, можно было попасть во внешний двор, выходящий напрямик к главным дверям поместья. Слева от входа примостилась каморка привратника, а по бокам двора тянулись два ряда комнат по три в каждом — скромное жильё для прислуги. Площадь внешнего двора также позволяла практиковать боевые техники, чем слуги могли заниматься в свободное от дел время.

Чжун Цай удовлетворённо кивнул.

Хоть это и был дворик стандартной планировки, его размеры впечатляли: он был в несколько раз больше тех усадеб, что Цай видел в своей прошлой жизни. Даже в клане Чжун, в огромном Саду Юэхе, ему выделяли лишь крохотный закуток без деления на зоны, где было всего четыре или пять тесных комнатшек. Здешнее место казалось по-настоящему роскошным.

«Труднее всего, должно быть, придётся его другу...»

При этой мысли юноша невольно покосился на У Шаоцзяня. Тот неспешно следовал за ним, и на его губах, вопреки ожиданиям, заиграла слабая улыбка.

Заметив это, Чжун Цай мысленно похвалил друга.

«А старина У — кремень, воля у него что надо!»

Но и себя он не забыл похвалить.

«Вот что значит правильно выйти замуж! Не прогадал я. Глядишь, не прояви я инициативу, разве бы Шаоцянь так быстро воспрял духом? Хех, ай да я!»

Завершив осмотр территории, Чжун Цай обратил внимание на людей, столпившихся в галерее. Это был весь их нынешний штат.

Трое прибыли с молодым господином Чжун: страж Чжун Да и двое слуг с пожизненным контрактом. Рядом со стражем замер человек в чёрном — Сян Линь, личный страж Шаоцяня, связанный клятвой смерти.

Чуть поодаль стояли две служанки лет двадцати на вид: в простых одеждах, с заурядными лицами и загрубевшей от работы кожей рук. Было ясно, что они не привыкли к нежной службе в личных покоях господ.

У Шаоцянь скользнул по ним взглядом, на мгновение задумался и, вспомнив, повернулся к супругу:

— Это Мяо Хуа и Мяо Е. Раньше они занимались уборкой во Дворе Юньтэн.

Имена показались Цаю знакомыми. Покопавшись в памяти, он припомнил одну историю и понимающе протянул:

— А-а, ты рассказывал про них! У твоего старшего брата есть дочь от наложницы, У Сян... Она тогда чуть не забила сестёр-служанок до смерти просто за то, что они случайно что-то разбили. Эта девица вела себя не как человек, а как чудовище, срывая злобу на беззащитных. Ты как раз проходил мимо, спас их и оставил работать у себя... Это они?

Он всё понял.

— Понятно. Раз ты спас им жизнь, неудивительно, что они не сбежали.

Шаоцянь лишь тонко улыбнулся.

Чжун Цай всегда был склонен видеть в людях лучшее, но в глазах Мяо Хуа и Мяо Е читались лишь страх и неуверенность. Скорее всего, они остались не из великой благодарности, а потому что им попросту некуда было идти. У Сян была мстительной особой; если другие слуги могли найти себе место в иных дворах, то для этих двоих уход означал верную гибель.

Служанки низко склонили головы. Поняв, что их истинные мотивы раскрыты, девушки затрепетали от волнения.

У Шаоцяннь вполголоса пояснил другу:

— Как бы ни изменилось моё положение, я всё ещё старший в роду для У Сян. Она не посмеет открыто тронуть слуг в моём дворе.

Цай, заметив смятение девушек, понял, что муж прав. Однако он лишь ободряюще хлопнул того по плечу и усмехнулся:

— Жить-то всем хочется, тут нечего стыдиться. Лишь бы работали споро, остальное — шелуха.

Собеседник бросил на него быстрый взгляд:

— Смотри сам, теперь хозяйство на тебе.

— Не беспокойся, — весело подмигнул Цай.

Служанки никак не ожидали, что молодой господин Чжун будет вести себя с бывшим гением клана так просто и бесцеремонно, но лишних мыслей допускать не смели. Они лишь старательнее склонились, выказывая покорность.

Чжун Цай перешёл к распоряжениям:

— Все шестеро будете жить во внешнем дворе. Сначала комнату выбирает Сян Линь, затем — Чжун Да, оставшиеся четыре распределит Сян Линь. Пока живите по одному, а если штат расширится — потеснитесь.

— Слушаюсь, молодой господин Цай, — глухо отозвался страж в чёрном.

— Будет исполнено, — привычно ответил верный Чжун Да.

— Мяо Хуа и Мяо Е остаются на уборке и мелких поручениях, — продолжил распоряжаться юноша.

— Слушаемся, господин, — хором отозвались девушки.

Затем Цай вытащил два контракта и, сверившись с именами, обратился к остальным:

— Чжоу Линь, ты у нас повар? А ты, Дун Цзинь, парень шустрый?

Оба слуги почтительно выступили вперёд.

— Чжоу Линь, на тебе кухня. Дун Цзинь, ты на посылках, а в свободное время помогай повару. Если заметите что-то неладное, напоминайте об этом друг другу.

Слуги поклонились в знак согласия.

— Чжун Да, ты встанешь на ворота. Если я отправлю тебя по делам, на посту тебя сменит Дун Цзинь.

Страж кивнул.

— Сян Линь, твоя главная задача — защита Шаоцяня. В остальное время тренируйся и повышай свой уровень сил.

Тот почтительно принял приказ.

— Если А-Цай соберётся выйти в город, — вмешался У Шаоцянь, — Сян Линь, ты пойдёшь с ним.

— Слушаюсь, — ответил страж.

Чжун Цай возмущённо воззрился на мужа.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я места себе не находил от беспокойства? — с мягкой улыбкой парировал Шаоцянь.

Цай только вздохнул и, повернувшись к слугам, отдал последнее указание:

— Никому не входить во внутренний двор без зова. В случае опасности Сян Линь и Чжун Да действуют по обстоятельствам.

Когда все поклонились в последний раз, юноша махнул рукой, отпуская людей.

Сян Линь закрыл вторые ворота. У Шаоцянь с недоумением посмотрел на друга: зная характер Цая, тот должен был первым делом велеть повару готовить обед. Почему же он так поспешно всех разогнал?

Лицо Чжун Цая в этот момент приняло странное, почти испуганное выражение.

Шаоцянь нахмурился, в его голосе прозвучала тревога:

— А-Цай, тебе нехорошо?

Тот честно кивнул:

— Да, как-то муторно... — Но прежде чем друг успел испугаться, он выпалил: — Кажется, я вчера напился твоим Ян... в самом прямом смысле.

— В общем... кажись, у меня открывается Тайная Сокровищница Божественной Души.

Всё произошло слишком внезапно!

У Шаоцянь глубоко вздохнул, чувствуя, как от Цая действительно начали исходить тонкие, едва уловимые волны духовной энергии. Ему стало и смешно, и досадно одновременно.

«Напился Ян»? Какая связь между пробуждением Сокровищницы и... этим? У А-Цая язык вечно бежал впереди мыслей.

Друг потянул его за собой в дом, а Цай продолжал нести чепуху:

— Да я на полном серьёзе! Когда я был в семье Чжун, я думал, что призову сопутствующее сокровище только в Сфере Возведения Дворца. А тут стояло «принести тебе удачу» в брачную ночь — и на тебе, Сокровищница распахнулась за один вечер! Если это не твоя мужская сила помогла, то что тогда?..

Видя, как Чжун Цай бледнеет от боли, Шаоцянь понял, что наступил критический момент. Он распахнул дверь ногой, подхватил юношу на руки и быстро уложил на кровать.

Цай только и успел пробормотать.

«На руках несли, как девицу, никакого достоинства...»

Он скорчился и принялся кататься по постели.

Шаоцянь плотно закрыл дверь и сел рядом, не сводя с него глаз.

— Побереги силы. Чем больше ты дёргаешься, тем больнее будет.

Чжун Цай, обливаясь потом, продолжал метаться:

— Я так... внимание отвлекаю!

Не зная, как ему ещё помочь, У Шаоцянь просто прижал его к себе, удерживая его руки. Но стоило Цаю лишиться возможности размахивать руками, как он принялся брыкаться ногами, постепенно сползая с кровати.

— Перестань, — вздохнул Шаоцянь, — иначе я тебя не удержу.

— Так навались всем телом! — взвыл Цай. — Сил нет терпеть, как больно!

Шаоцянь лишь тихо вздохнул и всем весом прижал друга к матрасу.

— Дышать... нечем!.. — прохрипел Цай.

Губы Шаоцяня дрогнули в улыбке. Он перевернулся, просто запер друга в крепких объятиях, сковав его движения руками и ногами.

Поняв, что вырваться не удастся, юноша затих. В таком тесном контакте, чувствуя чужое тепло, ему действительно стало немного легче.

Он ощущал, как в самом ядре его существа, там, где сплетаются воедино три души «хунь» и семь душ «по», начинает что-то кристаллизоваться. Мучительная боль вспыхнула в тот самый миг, когда это нечто зародилось; она хлынула по телу подобно горному обвалу, обжигая и перекраивая саму его суть... Спустя полчаса, когда таинственный объект обрёл чёткие очертания, боль поутихла, сменившись колючими уколами, словно от тысяч игл.

Цай лежал измождённый, бледный как полотно. Кровать под ним пропиталась потом, тело била мелкая дрожь, но язык его по-прежнему не знал покоя.

— Когда... когда мы практикуем, — запинаясь, прошептал он, — можно выпить снадобья, чтобы унять боль при прорыве. Но при открытии Тайной Сокровищницы... ничего нельзя. Только терпеть.

«Почему... почему именно мне должно быть больнее всех?..»

Шаоцянь медленно растирал его дрожащие мышцы, стараясь принести хоть какое-то облегчение.

Действительно, чем позже открывается Сокровищница, тем мучительнее процесс. Случай Чжун Цая был самым поздним из возможных, так что и цена за это была высока. И кроме как выстоять, иного пути не существовало.

Прошло ещё около часа, прежде чем Чжун Цай окончательно расслабился.

В тот же миг из его лба вырвался сгусток яркого света и завис в воздухе прямо перед ними. У Шаоцянь разжал объятия и уже собрался встать, чтобы дать другу побыть наедине со своим обретением.

Но Цай прильнул к нему, не выпуская:

— Обопрись... я ещё совсем без сил.

Тот мягко подтолкнул его:

— Тебе нужно осмотреть своё сопутствующее сокровище. По закону я должен удалиться.

Цай только фыркнул:

— Ерунда. У тебя опыта больше, всё равно бы пришлось тебя расспрашивать. Давай уж сразу, чего время тянуть.

Шаоцянь замер. В этом был весь Чжун Цай. Он не стал больше спорить и остался рядом. Юноша остался доволен и легонько коснулся пальцем светящегося шара.

Мгновение — и свет расширился, превращаясь в величественное сооружение из иссиня-чёрного камня. Несмотря на свои изящные размеры, оно заполнило собой всё свободное пространство комнаты. Если раньше Цай просто ленился вставать, то теперь они с другом оказались буквально заперты этим сооружением на кровати.

Юноша ошарашенно оглядел находку, и его губы мелко дрогнули:

— Старина У... тебе не кажется, что эта штука... вылитый Алтарь?

— Похоже, это он и есть, — подтвердил Шаоцянь.

Алтарь покоился на массивном круглом основании. По краям его окружали высокие каменные стены, напоминающие застывшие языки пламени. Они почти полностью скрывали центральную часть, словно оберегая широкое каменное возвышение — платформу. По бокам от неё вели три ступени, соединяющие платформу с основанием. В самом центре платформы зияло углубление, сплошь покрытое узорами извивающегося пламени. От всего этого сооружения веяло глубокой древностью и таинственной мощью.

Чувства Чжун Цая в этот миг были весьма противоречивы.

Пусть он и знал, что талантами не блещет, в глубине души всё же надеялся на что-то особенное. Он гадал: вдруг это будет клинок, чтобы лихо рубить врагов? Или, как у многих людей Низшего ранга, какой-нибудь бытовой предмет — котёл, чаша или даже мотыга? Такие вещи могли бы хоть немного усиливать энергию в еде или ускорять рост трав... Это тоже было бы неплохо, копейка рубль бережёт.

Но Алтарь? Этого он никак не ожидал.

И как, скажите на милость, этим пользоваться?

Шаоцянь же, напротив, смотрел на находку с оптимизмом:

— Суть любого Алтаря — сначала подношение, а затем обретение. В нём наверняка скрыта великая тайна. Такая вещь просто не может быть Низшего ранга. — Он легонько подтолкнул Цая. — Иди же, разберись, как он работает.

Рассудив, что друг прав, юноша приободрился и соскочил с кровати.

Боль ушла, а умелый массаж вернул телу былую лёгкость. Чжун Цай одним прыжком оказался на основании Алтаря. В тот же миг сооружение вспыхнуло ярким светом, полностью окутав его фигуру.

Поток информации хлынул в сознание Цая, раскрывая перед ним суть и предназначение этого артефакта...

Шаоцянь видел, как лицо друга внезапно застыло, а кожа стала мертвенно-бледной. На платформе, прямо перед юношей, одна за другой начали появляться призрачные книги. С каждой новой книгой Чжун Цай становился всё бледнее.

Собеседник понимал, что тот сейчас принимает наследие, но всё равно не мог унять тревогу. Однако он знал: мешать человеку в момент общения с сопутствующим сокровищем — значит обречь его на гибель.

Прошло время, пока догорала одна ароматическая палочка.

Цай резко открыл глаза. Его взгляд был ясным и необычайно живым. Шаоцянь облегчённо выдохнул.

— Старина У, — первым делом выпалил Цай, — эта штука велит мне выбрать направление наследия.

Тот недоуменно поднял бровь. Юноша хитро усмехнулся и принялся водить пальцем по призрачным томам, перечисляя их названия:

— Смотри: вот Отдел пилюль, вот Отдел артефактов, за ним идут Отдел талисманов, Отдел формаций, Отдел управления, Отдел марионеток и даже Отдел музыки... Алтарь требует выбрать что-то одно. Мне нужно будет создавать предметы этого направления, и каждое удачное творение будет излучать особую духовную эссенцию. Он будет сам её собирать, а когда накопится достаточно, я смогу обменять её на... что-то. Что именно — решит случай. В общем, всё зависит от удачи, я тут не властен.

Шаоцянь никогда не слышал о подобных сокровищах. Это было поразительно, но сейчас важнее всего было сделать правильный выбор.

— А-Цай, к чему склоняешься?

— Тут и думать нечего, — без колебаний ответил Чжун Цай. — Выбираю Отдел пилюль. Стану мастером пилюль!

Вопрос и впрямь не требовал долгих раздумий. Каждому практику нужны пилюли, а значит, на них всегда будет спрос. Стоит ему освоить это ремесло, и духовная эссенция пилюли вместе с золотом потечёт к ним рекой!

Шаоцянь согласился, что путь алхимии — самый почётный, но всё же предостерёг:

— Выбирай то, что тебе действительно по душе. Иначе учение превратится в каторгу, и толку не будет.

Цай только отмахнулся:

— Да я ничему в жизни не учился, откуда мне знать, что я люблю? Но пилюли мне всегда были интересны больше всего. Решено — алхимия!

Видя его решимость, Шаоцянь успокоился.

Чжун Цай больше не медлил. Он протянул руку и уверенно схватил призрачную книгу Отдела пилюль. В мгновение ока остальные фолианты растаяли в воздухе, а выбранная книга превратилась в луч белого света и канула в его лоб.

Юноша зажмурился, впитывая колоссальный объём знаний. Голова его пошла кругом, и он не заметил, как весь Алтарь тоже окутало белое сияние, а его облик начал стремительно меняться.

Шаоцянъ же видел всё. Каменная стена в форме пламени, стоявшая прямо за углублением, вдруг резко вытянулась вверх. Её передняя часть начала трансформироваться, превращаясь в широкое каменное ложе, на котором мог свободно улечься человек. Одновременно с этим углубление заполнилось белым пламенем. Огонь неистово плясал внутри чаши, словно в вечном, не знающем преград горении.

Это было завораживающее зрелище.

Шаоцянъ искренне радовался за друга, но в его душе шевельнулась тень печали. С таким сокровищем Чжун Цай наверняка сможет достичь небывалых высот. А сам он... возможно, он сможет сопровождать его лишь часть пути?

Впрочем, эти мысли растаяли, как дым, стоило Цаю закончить принятие наследия. Тот обернулся к нему с сияющими глазами:

— Старина У, иди скорее сюда!

— Иду, — отозвался Шаоцянъ, отбрасывая все сомнения.

<http://bllate.org/book/15860/1432219>